

ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИСТ

Один из самых известных историков и публицистов русского зарубежья Г.П. Федотов начал свою статью «Трагедия интеллигенции» (1926) с «извинений автора» перед читателем за избитость темы, мол, по ней исписаны возы бумаги [1, с.66]. Тем не менее интеллигенция является постоянно действующим фактором в нашей истории, особенно в периоды ее роковых поворотов. Поэтому внимание к ней говорит скорее в пользу этой темы, чем против. Вот и автор этих строк отметил в графе ее разработчиков [2].

В данной статье роль интеллигенции рассматривается в аспекте темы, которую следует озаглавить «Общественно-политическая активность и профессиональная политика». Дело в том, что профессиональные политики находятся внутри политического поля, они являются его хозяевами. Их деятельность хорошо описывается макиавеллистским дискурсом [3]. Тогда как интеллигенция идет в политику по *нравственной обязанности* и чувствует себя там «в не своей тарелке». Природа политической активности интеллигенции, ее мотивация другая, нежели у политических профессионалов.

Мир политического значительно объемнее институционального поля политики, на котором действует власть и ее субъекты – государственные деятели, политические чиновники, партийные функционеры, профессионально занятые политикой как деятельностью, приносящей им доходы и власть. Профессионалы ревностно охраняют политическое поле, стремясь в идеале сохранять свою монополию при видимости народного участия в управлении государством. Те, кто не имеет прямого отношения к власти начальников, допускаются в *реальную* политику по необходимости. Их привлекают *обслуживать* политический процесс, но не участвовать в дележе власти. В свои ряды профессионалы пропускают лишь тех, кто прошел институализированные процедуры, так сказать, инициацию, посвящение в политики. В современном мире эти процедуры называются демократией.

Именно в связи с демократией у профессиональных политиков возникает головная боль. По условиям демократической игры они должны избираться, иметь опору в населении, обществе. Поэтому они вынуждены привлекать к своей работе «полезных» людей, обеспечивающих им связь с электоратом. В первую очередь – это политические журналисты, научные работники, прежде всего политологи, социологи, философы, социальные психологи и юристы, а также представители творческих профессий, в общем пишущие и говорящие люди, обладающие интеллектом и образованием, позволяющим им создавать *продукт*, который «потребляет» как власть, так и население. Этот продукт называется *информацией* или *идеологией*, в зависимости от предназначения.

Но сами носители профессиональных знаний о социальной жизни не могут быть равнодушны к тому, что они производят. Среди них есть люди, обладающие общественным темпераментом, негодующие на всякого рода социальную несправедливость и видящие свой нравственный долг в том, чтобы донести до власти глас народный. Они добровольно берут на себя обязанность быть представителями гражданского общества, защитниками интересов народа перед властью предержащими. Демократия дает им такую возможность.

С другой стороны, социальные и всякие иные значимые интересы в современном государстве должны иметь своих проводников, лоббистов в органах власти. Таким образом, общественные деятели ищут возможности войти в политическое поле и волей-неволей превращаются в общественно-политических активистов. Некоторые из них в дальнейшем становятся профессиональными политиками.

Речь идет об общественно-политической активности, которая локализована в сфере гражданского общества, на тех полях и площадках, которые непосредственно примыкают к сфере политики. В этой статье дается описание несколько таких полей и площадок, с которых осуществляют свое вхождение в политический процесс непрофессионалы от политики, общественно-политические активисты, представители гражданского общества. Соответственно этому обозначены типы общественно-политических активистов. Во-вторых, автор попытался оценить возможности и последствия такого вмешательства в политический процесс. И, в-третьих, указана принципиальная разница в морально-этических установках, которыми, по мнению автора, руководствуются профессионалы и «любители» политики.

Легче всего решить заявленные задачи, используя социально-исторический метод описания типов интеллигентской политической активности.

1. Тип интеллигента-народника

Как *слой* интеллигенцию породил российский XIX век, условия политического деспотизма царского режима. Интеллигенты – это люди, которые были вынуждены заниматься *политикой как не своим делом, политикой как протестом, как проповедью радикального обновления*. В отсутствие всякой легальной возможности открыто выступать с критикой власти и господствующих классов они использовали для этого *площадку литературы и литературной критики*. Ведь это же не случайно, что самые выдающиеся литературные критики и публицисты XIX века воспринимались обществом и властью через призму политики. И традиция писательства в России сложилась таким образом, что писатели в своих произведениях поднимали вопросы о необходимости глубоких социальных и политических реформ, то есть прямо затрагивали компетенцию государства. В короткие периоды реформ и революций поле политики резко расширялось, и общество начинало вести диалог с властью с «позиций силы».

Таким образом, в царской России в отсутствие политических и гражданских свобод и их институтов сложился *тип интеллигента- народника, революционного и либерального демократа*. Его отличала склонность к политическому радикализму. Стать революционером-нелегалом - тогда это был *единственно моральный способ* вхождения в политику. П.Л. Лавров в «Исторических письмах» (1868-69) теоретически обосновал долг интеллигента идти в революцию.

2. Тип защитника прав человека

В советское время поле политики было сужено до предела: политикой занимались члены Политбюро и некоторые члены ЦК КПСС. Даже секретари обкомов были лишь исполнителям диктующей воли Центра. Что такое региональная политика – никто не знал. Да это и понятно: когда субъект политики один, она подменяется «партийным руководством». Конкурировали тогда между собой отряды номенклатуры, но эту борьбу политической назвать нельзя. По-настоящему в Советском Союзе была лишь внешняя политика. А между тем потребность в свободе, неприятие тотального диктата власти, нарастающие проблемы в обществе, которые правящий режим не был способен решить, вызвали к жизни немногочисленное движение *диссидентов*. Оно и породило в 60-е годы *диссидентский тип общественно-политической активности*. Для вхождения в мир политического диссиденты использовали *институт права*. Они, как дети, «не хотели» замечать условности советской системы – укоренившееся двоемыслие, гигантское противоречие между идеологией и практикой, правом и «реальной политикой». Ведь на словах в Союзе царила самая демократичная в мире «социалистическая» демократия и такая же «социалистическая» законность. Диссиденты требовали от власти строгого соблюдения конституции, законов и других правовых установлений, принятых этой же самой властью. В частности, имеются в виду Хельсинские соглашения, подписанные генсеком Брежневым в 1975 году, делавшие незаконными преследования по политическим мотивам, обязывавшие власть дать свободу эмиграции, не говоря уже о конституционных свободах слова, собраний, вероисповедания.

После развала коммунистической системы преследования по политическим мотивам прекратились, и диссидентство перетекло в форму обычного правозащитного движения. И вот, когда, казалось бы, положение правозащитников качественно изменилось к лучшему (им уже не грозили тюрьма и «психушка», а их героизм в прошлом был оценен обществом), они столкнулись с внутренним кризисом. Особенно это стало очевидно в период чеченской войны, когда известный российский правозащитник С.А. Ковалев резко осуждал «зверства» федеральных войск и ни слова не сказал о зверствах

чеченских боевиков. «Народ», что называется, его не понял. Двусмысленность его позиции только усиливалась от того, что в этот период его часто премировали различные иностранные фонды. Итак, правозащитники, можно сказать, впервые ощутили на себе отчуждение не только власти, но и населения. Они оказались никудышными политиками. Еще один удар нанес им Запад, который они привыкли идеализировать на предмет его приверженности политике защиты прав человека. Натовские бомбардировки Югославии, интервенция США в Ирак вскрыли лицемерие и двойные стандарты в политике Запада и тем самым раскололи правозащитное движение. Последний по времени глобальный «карикатурный скандал» поставил под сомнение главную догму правозащитников - абсолютный и универсальный характер прав человека.

3. Тип политического журналиста

Речь также идет об известных журналистах, пишущих или делающих телепередачи на злободневные темы. В силу своей профессии они становятся «естественными» посредниками между властью и народом. Они вникают в те или иные проблемы, публично обсуждают их и от имени общества ставят задачи Власти, а та «почему-то» их игнорирует. И тогда возникает соблазн получить доступ к Власти. Благо, такая возможность существует благодаря выборному механизму. Став народным избранником, получив соответствующий мандат и значок, такой человек становится вхож в кабинеты начальников, от которых действительно зависит решение вопросов. Можно привести пример известного журналиста Ю. Щекочихина, ставшего депутатом Верховного Совета РСФСР и уже в этом качестве продолжавшего заниматься вопросами помощи жертвам массовых репрессий.

Впрочем, здесь мы вкатываемся в иную тему, тему «Интеллигенция во власти». Мы знаем не одну историю журналиста, получившего «предложение, от которого он не смог отказаться». Например, стать пресс-секретарем при Президенте или Правительстве. Оказавшись на главной политической кухне, узрев власть в опасной близости, такой человек, пропитанный демократическими иллюзиями и мифами, буквально попадает в прострацию и еще долго не может прийти в себя от увиденного и услышанного. Нельзя, ни в коем случае нельзя людям с общественным темпераментом и нравственной доминантой идти во власть.

Должность главного редактора крупной газеты, тираж которой выходит за сто тысяч, или генерального директора телеканала, вещающего на всю страну, по определению политическая. Здесь грань, отделяющая общественного деятеля от человека власти, весьма условна.

4. Тип научного интеллигента

Недовольство, возмущение, негодование – все это степени психологического состояния («кипит наш Разум возмущенный»), которые в соединении с

общественным темпераментом выталкивают на политическую арену *людей науки*, втайне уверенных, что они являются носителями общественной истины, то есть знают, как устроено общество и как правильно его перестроить в соответствии с научным идеалом. Все упирается в препятствие под названием «власть» - тупая, невежественная, бюрократическая власть, не желающая зависеть от народа.

Здесь на ум приходит наша «перестроечная» история. В 1985-89 годы интеллигенция вновь пережила короткий бурный период либеральных мечтаний и роман с Властью. Многие научные работники, забросив свои исследования, бросились с головой в политику. Чтобы повлиять на политическую реальность в направлении ее демократизации, историки, социологи, экономисты стремились использовать свою науку. Суть поднятой ими очистительной волны получила точное выражение во фразе из статьи популярнейшего в то время ученого-публициста И.М. Клямкина: «...все дороги, лежащие в стороне от добра и правды, людям ни к чему» [4, с.150].

Они вновь поверили вождям, что те действительно хотят перемен не ради укрепления той же самой Власти, а ради улучшения жизни народа, и с энтузиазмом стали указывать как на первопричину неудач реформаторов на уродство самой Власти. У нее непропорциональные формы: слишком длинное туловище и очень маленькая головка, в которой каким-то неведомым образом завелись «перестроечные» мысли. Эти люди мыслили по древнеегипетской пословице: что наверху, то и внизу, а посередине – номенклатурная сволочь. Они вознамерились выделить экстракт возбужденного общественного сознания, чтобы использовать его и как силу торможения пассивного большинства, и как силу давления на местную власть.

Жизнь в очередной раз жесточайшим образом раскритиковала интеллигентские идеалы, вскрыла генеральную черту интеллигентского сознания – *утопизм*. Они требовали начать жить по правде, но *всей* правды не знали. Они хотели воплотить в жизнь свой либерально-демократический идеал государства, но то, что этот идеал не имеет никаких сцепок с реальной жизнью миллионов, они опять-таки в расчет брать не хотели. Иллюзии либерализма! Рынок – он и в Африке рынок, демократия – она везде демократия. Нет, жизнь показала: рынок рынку рознь, а демократия может эффективно работать только там, где ей созданы условия. Этих условий и тогда не было, и сегодня еще нет. Поэтому постсоветская демократия – это двугорбый с рогами хромой уродец.

«Перестройку мы потеряли». Ну, во-первых, мы потеряли не «перестройку», ведь она сама была средством, а мы потеряли «больного» - Советский Союз. А во-вторых, если кто-то теряет, то кто-то находит. И когда одни оплакивали утрату, другие бурно радовались своей исторической удаче. Так, новая-старая власть на Украине начала свое самостоятельное державное существование с мифа о чуть-ли не тысячелетней борьбе за «незалежность». Была построена новая историческая парадигма, такая же фальшивая, как и

советская, которая всю мировую историю сводила к неизбежности Октябрьской революции.

«Не получилось!» Но почему «получилось» у тех, кто никоим образом не был озабочен общественным благом, а стремился извлечь максимальную пользу для себя из неразберихи начала 90-х годов, полной потери государственного контроля? Может, потому что они жили не утопической идеей всеобщего блага, а материей своего личного интереса. Они под шумок «порешали» свои вопросы, не критикуя власть, а используя ее корыстолюбие. Может, они как раз продемонстрировали в истинном свете тот пресловутый индивидуализм, который облагородили и превратили в стержневой принцип своей идеологии западные теоретики либерализма.

Нет, в самом деле, этот феномен крайне важно понять: почему умные, ученые и в ряде случаев очень проницательные люди проникаются наивной верой, что слово можно приравнять к штыку, информацию – к пушке, а теорию превратить в инструмент социального переустройства? И вот ведь что интересно. Западные исследователи России давно указали на этот коренной порок интеллигентского сознания. Англичанин Д.М. Уоллес еще в 1870 году издал книгу под названием «Россия: взгляд на войну и революцию». (Впоследствии она неоднократно переиздавалась, в последний раз – в Нью-Йорке в 1984 г.). В ней он, в частности, отмечал, что для англичанина между занятиями наукой и политикой нет ничего общего, науки изучают по учебникам, с помощью лекций, музеев и лабораторий. Затем люди, проживая свою частную жизнь, стремятся применить свое знание опять-таки в своей частной жизни. В России со студенческой скамьи интеллигенты воспринимали установку Огюста Конта, согласно которой конечной целью социологии является социальное переустройство общества.

Надо сказать, что время от времени, обычно накануне очередных выборов в высшие органы власти отдельные интеллигентские группы под вывесками различных общественных организаций активизируются и делают заявления на предмет того, что «стране нужна интеллигентная власть, которая будет сочувствовать народу». *Интеллигентная власть – это самый настоящий солженицынский тигроголубь.* Неизбывный утопизм интеллигентского сознания!

5. Тип «пророка», вмешивающегося в политику

Есть еще одна, известная с глубокой древности позиция, позволяющая осуществлять вмешательство в политику. Это – позиция богоизбранности, непререкаемого нравственного авторитета, каковым является «пророк». Далеко не все культуры способны вырабатывать этот редчайший тип харизматиков. Восток и Россия имеют такой дар.

Власть «пророка» – это в чистом виде символическая власть. Чтобы быть «пророком», надо иметь Биографию, тяжелейшую судьбу, как у А.И. Солженицына, или, наоборот, фантастическую судьбу, как у А.Д. Сахарова,

гениального физика, трижды Героя, «вдруг» взбунтовавшегося против ценившей его Системы. Далее, чтобы иметь право обращаться к власти и народу напрямую с проповедями и обличениями, надо быть «совестью нации», иметь абсолютную репутацию человека, живущего по правде. В-третьих, «пророки», как правило, это люди, верующие и верящие в собственное предназначение. «Пророк» не печалует о правах отдельных людей. Он – страдалец за судьбу целого народа. Он равноудален от власти и от народа. Он по-отцовски сурово корит народ за его пороки и судит власть божеским судом. «Пророк» – третья сторона треугольника, а первыми двумя являются народ и государство. Пророк – дважды посредник; он не только посредник между народом и властью, он посредник между ними и Богом.

Остановлюсь только на одном примере «пророка», стремящегося оказывать влияние на ход дел в государстве и обществе. Речь идет о Солженицыне.

А.И. Солженицын – классический тип русского мыслителя-мудреца, взыскующего правды, взвалившего на себя ношу страдальца за народное горе, тянущий традицию писательства как общественного подвижничества, религиозного долга.

Солженицын твердо стоит на позиции, что мораль первична, а политика и право вторичны. Мораль предписывает политике, насыщает ее нравственностью. Причем имеется в виду мораль общечеловеческая, христианская. Другой морали Солженицын не признает. Государство сильно не законами, а моральными устоями народа. Вот цитата: «За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни – никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими *интересами*, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность» [5, с.550; курсив А.И. Солженицына. – Г.Г.].

У Солженицына в жизни был диссидентский период, ему приходилось выступать в защиту отдельных людей, подписывать обращения к власти, но сам он многократно высказывался в том духе, что права человека не являются самоцелью и не могут рассматриваться в отрыве от обязанностей, что патриотизм важнее свободы. Лозунгу «права человека» он противопоставил лозунг «самоограничение – путь к спасению». «Политическая жизнь, – втолковывал он, – совсем не главный вид жизни человека, политика – совсем не желанное занятие для большинства. Чем размашистей идет в стране политическая жизнь – тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме *прав* человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» [5, с.565; курсив А.И. Солженицына. – Г.Г.].

В горбачевской «перестройке» с ее гласностью Солженицын безошибочно распознал маневр правящего класса, потому что не нашел в ее словаре таких понятий, как *очищение и раскаяние*.

Нельзя сказать, что Солженицыну неведома политическая страсть («Конечно, политическая страсть мне врожденна. И всё-таки она у меня — за литературой, после, ниже»). Он знает, что такое «делать политические шаги», то есть поступать разумно, целерационально, предвидя ответные меры противника. Но литературу он ставит выше политики и понимает ее по-толстовски — как нравственную проповедь, учительство. К политике он подходит со стороны истории и философии истории, но более всего — с высоты религиозно-нравственного сознания. В своих главных произведениях он всегда стремился к основательности, фактической достоверности, к показу широты социального фона. Даже в ущерб художественности. Можно сказать, дух науки витал над ним, но не укреплялся в нем самом, поскольку проповедник, нравоучитель и обличитель пересиливал в нем объективного, беспристрастного исследователя. Сверхзадача у Солженицына другая. Он ненавидит коммунизм и не приемлет западной «развесистой» демократии. Он сражается с их идеями и мифами, и, сам того не замечая, творит собственную идеологию.

Для иллюстрации пророческого стиля Солженицына обратимся к его программной статье «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» (1990). Предвидя развал Советского Союза, «пророк» спешит дать программу его преобразования в другую форму государственности и неотложных мер по реформированию органов власти, экономики, гражданских отношений. Стиль статьи — апокалиптический: «Мы на последнем докате», «весь XX век жестоко проигран нашей страной», «мы сидим на разорище» [5, с.538, 562]. Внутри статьи автор использует древнерусский жанр «слово» — он обращается к целым народам: «Слово к великороссам», «Слово к украинцам и белорусам», «Слово к малым народам и народностям». Он пишет: мы должны сделать то-то и то-то. Кто это «мы»? Мы — это государство и народ, объединенные вокруг «пророка». Используется также построение предложения на манер петровских указов: «Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно-преемственным и устойчивым» [5, с.564].

Спустя восемь лет в книге «Россия в обвале» пророк вынужден констатировать, что власть абсолютно не прислушалась к его «посильным соображениям». «Мы» оказалось фикцией. На самом деле были «они», демократы, условно разделившиеся на государственную бюрократию и олигархию из наглых молодых волков русского капитализма. В этой книге роздал он «всем сестрам по серьгам» — Ельцину, Гайдару, Чубайсу, их реформы назвал «разворовкой всенародного добра». Все-таки «пророк» ошибался в 1990 г.: Россия тогда не была еще на «последнем докате», было еще что делить, было еще кого обездоливать. И все это под флагом реформ! Не принял он из рук Ельцина орден св. Андрея Первозванного, не простил ему 1991-й год да и последующие годы пьяного его правления. А, к примеру, Д.С. Лихачев с

благодарностью принял. Тут и пролегает ров между пророком и интеллигентом №1.

* * *

Упомянутый И.М. Клямкин, оценивая негативный опыт хождения в политику научной интеллигенции в период «перестройки», сказал: «В нормальном обществе интеллектual не должен быть политиком. Он должен создавать тот воздух, ту духовную атмосферу, в которой частным политическим интересам и страстям противостоит пафос поиска истины, пафос объективности, интеллектуальной независимости»[6]. Я с ним не согласен. Интеллигент, по определению, - это человек, имеющий ярко выраженную гражданскую позицию. Он вносит в политику гуманизм и нравственность. Его самостоятельная политическая активность возрастает именно тогда, когда профессиональные политики заходят в тупик, когда в государстве ощущается дефицит правды и справедливости. Однако, как показал исторический опыт, роль интеллигенции неоднозначная, амбивалентная. Ее политический дилетантизм и нравственный идеализм легко канализируется в нужном для них направлении: власть предержащими и другими группировками, исповедующими эмпиризм голого интереса.

Интеллигент позиционирует себя в политическом поле как моралист. Он делает вид или думает искренно, что его не касаются правила политической игры. Его интересует лишь один аспект в нашей сложной социальной жизни – это права человека. Он требует признать их абсолютными. Он рассматривает свой идеализм в политике как своеобразный политический капитал, которым он распоряжается, становясь в оппозицию государству. Ему «не известны» такие понятия, как «национальные интересы», «геополитическая стратегия», «государственный суверенитет». Он не желает знать, что западные «независимые фонды», финансируя его правозащитную деятельность, встраивают его в свою политику.

Попробуем описать интеллигентскую мораль, ее моральные требования к государственной власти. Власть *должна* быть гуманной, свято блюсти права человека и служить народу. Она *должна* ходить перед ним, а заодно и перед соседями-государствами, в платье андерсеновского короля: говорить правду, одну только правду и ничего кроме правды, будь то правда истории или правда тайного договора. Люди власти *должны* исповедовать исключительно этику долга. Они *должны* жить сознанием долга перед народом. Если человек власти испытывает удовольствие от ее использования, то он по определению безнравственен. Нелиберальные режимы *должны быть* безусловно осуждены как антигуманные и неправомерные проявления. Вот такой дискурс в политике я называю *кантианским* и вижу в нем *необходимое* дополнение к макиавеллизму профессиональных политиков.

В заключении в стиле интеллигента скажу. Интеллигенции не нужно ходить во власть. Это плохо кончается и для власти, и для интеллигенции. Интеллигенция нужна народу только в качестве общественного критика власти. Народ должен видеть в интеллигенции свою совесть, а во власти – своего управляющего.

Литература

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2-х тт.–Т. 1.– СПб.: София, 1991.– 352с.
2. Гребеннік Г. Інтелігенція, якою вона була, є та... не буде // Інтелігенція і влада: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції 22-23 жовтня 1999 року. – Одеса: Астропринт, 1999. – С. 28-30; Его же. Типи homo politicus і інтелігентська свідомість // Інтелігенція і влада: наук. зб. – Вип. 2. – Одеса, 2004. – С. 42-53.
3. См. Гребенник Г.П. Типы и стили политического мышления // Перспективи: Науковий журнал. – 2004. - № 1(25). – Одеса: Південноукраїнський державний педагогічний ун-т ім. К.Д. Ушинського, 2004. - С. 26-30; Его же. Макіавеллізм і цинізм // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. – Вип. 23. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2004. – С. 111-114.
4. Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. – 1987.- №11.– С. 150 - 188.
5. Солженицын А.И. Публицистика: В 3-х тт. – Т. 1: Статьи и речи.– Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – 720 с.
6. Политика в лицах //Век XX и мир. – 1991. - № 5. – <http://www.russ.ru/antolog/vek/1991/5/kliam.htm>.

Стаття опублікована на русском языке в сб.: Науковий вісник: Одеський державний економічний університет. – Науки: економіка, політологія, історія. – 2006. - № 3 (23). – С. 75-87.